

УДК 821.111

Э.К. Джапарова

Крымский инженерно-педагогический университет

Учебный переулок, 8, г. Симферополь, Украина, 95000

т: 8 -098-284-44-94

МИФ В ПОЭЗИИ РОБЕРТА ГРЕЙВСА

Анализируются поэтические произведения выдающегося английского поэта Роберта Грейвса сквозь призму его мифопоэтических представлений.

Цель статьи – выявить и продемонстрировать своеобразие поэтического наследия Роберта Грейвса, а также определить особенности его творчества в мифологической перспективе.

Актуальность работы заключается в том, что миф и мифологические репродукции получили чрезвычайное распространение в современном литературном процессе. Знание оригинального использования мифологического символа в поэзии выдающегося английского литератора обогащает наше представление об особенностях мифотворчества Роберта Грейвса.

Роберт Грейвс (1895–1985) выдающийся английский поэт, фольклорист, литературовед, мифокритик, знаток античной культуры, фольклора, археологии и этнографии, автор исторических романов и мифов. В отечественной литературе творчество Роберта Грейвса исследовано недостаточно. Из украинских учёных больше других писал о Роберте Грейвсе профессор А.С. Козлов. В своих работах он отмечает, что Роберт Грейвс в своём фундаментальном исследовании «Белая Богиня» (1948), «выдвинул оригинальную теорию генезиса и развития поэзии и поставил эту теорию в прямую зависимость от определённого цикла мифов и верований, «связанных с обожествлением луны» [1, с. 76].

Своеобразие мифопоэтического мышления Роберта Грейвса, заключается в том, что в нём объединяются разные тенденции, характерные для ряда школ и направлений XX века, ориентирующихся на художественное освоение мифа. В произведениях поэта миф и поэзия теснейшим образом связаны. Для Роберта Грейвса «мифы – это драматические сюжеты, которые представляют собой нечто вроде священной грамоты, отвергающей или одобряющей существование древних институтов, обычаев, ритуалов, верований» [2, с. 5]. Далее Роберт Грейвс пишет: «То, что некоторые мифы оказываются на первый взгляд непонятными, часто результат случайно или сознательно неверной интерпретации мифографом священных изображений или драматических результатов» [2, с. 13]. Великий литературовед считал, что поэзия своими корнями уходит в волшебство. В своём известном исследовании «Белая Богиня» Роберт Грейвс утверждает, что «природа поэзии слишком таинственна, чтобы её можно было исследовать», а «язык поэтического мифа известный в древние времена в странах Средиземноморья и Северной Европы был магическим языком» [3, с. 17].

Для Роберта Грейвса мифология правдивее, истиннее истории, она сохраняет память древних ритуалов и построена на постоянных, регулярных повторях деятельности многих людей под воздействием глубоко эмоционального порыва.

Концепцию поэзии Роберт Грейвс выдвинул в своих исследованиях в начале 20-х годов. Например, в работе «Об английской поэзии» (1922) Роберт Грейвс утверждал, что «поэт, как и его поэзия, представляют собой результат сплава несовместимых сил» [4, с. 33.]. Под этими силами Грейвс подразумевал две полярно противоположные начала – женское и мужское. При этом поэзия связывалась только с женским началом. Роберт Грейвс считает, что поэзия не обязательно должна быть «оригинальной» согласно аполлонийской или классической теории.

Роберту Грейвсу принадлежат популярные в англоязычном мире произведения: «Я, Клавдий» (1934), «Божественный Клавдий» (1935), «Золотое Руно» (1944), «Белая Богиня» (1948), «Мифы Древней Греции» (1955) и многие другие. Многочисленные сборники стихов Роберта Грейвса – «Collected Poems» (1955, 1959, 1961, 1965), «Selected by Himself» (1957), «The Poems of Robert Graves» (1958), «Poems for Children», (1960), «More Poems» (1961), «New Poems» (1962, 1963), «Poems» (1968 – 1970), «New Collected Poems» (1977) широко известны мировой литературной общественности.

В стихотворениях Роберта Грейвса миф воплощается по следующим направлениям: с одной стороны – это актуализация мифа в литературе, а с другой – мифотворчество. В произведениях Роберта Грейвса различные типы мифологизма взаимопресекаются и взаимопроникают, создавая совершенно неожиданные мифопоэтические построения. Отличительной особенностью его произведений является то, что миф оригинально истолковывается и получается «грейсовский» миф. Роберт Грейвс указывает, что его «метод состоит в том, чтобы объединить в гармоничное целое разрозненные элементы каждого мифа с привлечением малоизвестных вариантов, проясняющих смысл мифа» [2, с. 14].

Среди многочисленных мифопоэтических произведений великого творца особый интерес вызывает сборник стихотворений «Selected by Himself», где в стихотворениях – «вехах» поэта отражены ступени восхождения души к гармонии и значимости, расширение глубины чувства любви и стремление

прошлого и настоящего в будущее, к вечности и Всевышнему. В них находит своё отражение система символов – оппозиций: чувство любви и ощущение внутреннего опустошения («Whole Love», «Reproach»), обретение любви и её потеря («The Finding of Love», «Down, Wanton, Down!», «Despite and Still», «Sick Love», «Lost Love»), небесное и земное («Counting the Beats», «Frosty Night», «It Was All Very Tidy»), жизнь и бессмертие («Ancestors», «In No Direction»), светлые и тёмные начала, рай – ад («Bird of Paradise», «Hell»), а также игра сферами пространства, соотношение реального и потустороннего миров («Pure Death», «Your Private Way»). Многие стихотворения посвящены символике стихий и природного комплекса в целом («Language of the Seasons», «Like Snow», «The Chink»).

Миф о поклонении Музе является ключевым в творчестве Роберта Грейвса. Муза для него это Луна – Белая богиня, она и Муза Поэзии, Богиня Жизни и Смерти, она и Праматерь, которая «всесильна» и «могущественна».

«Never forget who brings the rain
In swarthy goatskin bags from a far sea:
It is the Moon as she turns, repairing
Damages of long drought and sunstroke» [5, с. 189].

Образ Белой богини Грейвс связывает с архаическими ритуалами служителей луны – богини, или священной царицы. В своих стихотворениях «Full Moon» («Полная Луна»), «Turn of the Moon» («Обратная сторона Луны»), «To Walk on Hills» («Прогуливаться по холмам»), Роберт Грейвс персонифицирует Луну. Как Праматерь она владеет, предвещает и хранит Истину. Роберт Грейвс усиливает Её образ и Её внеземную суть в стихотворении «Darien»:

«She is the northern star, the spell of knowledge,
Pride of all hunters and all fishermen» [5, с. 164].

В образ Праматери сливаются образы Mother и Alice в стихотворении «A Frosty Night»:

«You looked a ghost or angel
In the star-light there» [5, с. 20].

Мифологизируя образ Луны Роберт Грейвс сравнивает её с птицей, которая является как стрела, как птица – ожидаемо, но всё же внезапно, и постоянно охраняет Поэтов.

Гимн Музе, Богине Луне, которая сильнее Солнца и способна выполнять самую «сложную работу», когда она поворачивается к нам обратной стороной, звучит в его стихотворении «Turn of the Moon». Грейвс утверждает, что если бы Луна была Солнцем, мы всё равно обратились бы к Луне за помощью:

«Were the Moon a Sun, we would count upon her
To bring rain seasonably as she turned; [5, с. 189];

и спрашивает, кто же может руководить ею: «and who can rule her?» Ответ на этот вопрос мы находим в стихотворении «Not to Sleep», что только «избранным» предоставляется возможность обращаться к Музе, и к этим «избранным» Роберт Грейвс причисляет себя: «This is given to few but at last to me» [5, с. 208], считая, что «истинный поэт» должен быть «оригинальным и обращаться только к Музе» [3, с. 575]. Роберт Грейвс мифологизирует Её образ, указывая на то, что Она дарует вдохновение и предмет вдохновения, но и спрашивает с Поэта, требуя от него взамен честности, усердия и преданности.

И как необходимость миф о поэте проходит через всё творчество Роберта Грейвса. Грейвс утверждал, что «признаком хорошего поэта считается его способность выразить чувства, утверждённые временем в почитаемых временных формах, но с большей живостью, очарованием, звучностью и умением, чем его соперники» [3, с. 573].

Миссию Поэта Роберт Грейвс понимает шире. Для Роберта Грейвса Поэт не только «камертон» своей эпохи и «совесть» своего времени, но и «умный дьявол», «великий интриган в плаще поэта» и «зловный остронос». То, что Поэт-наследник всей страстной истории человечества (М. Волошин) и, призванный Свыше, избранный для своей Миссии, дарит современникам и потомкам открываемую единую для всех истину, звучит во многих стихотворениях Роберта Грейвса. Так в стихотворении «Darien» он объединяет и избранность («previlige»), и судьбу-предназначение («fate») поэта, подчёркивая особое духовное чувство поэта, способного «услышать – уловить» зов Музы. Для поэтов Неисказённая Муза едина, равная Истине, («the one Muse»). Поэтому существительное Muse Роберт Грейвс пишет с заглавной буквы, идентифицируя её с Истиной, открываемой Поэтам Высшими Силами. И только лишь Поэт способен «внять» и «распознать» Истину, которая является в различных проявлениях, но смысл её один. Придавая Поэту мифологический образ, Грейвс отмечает, что только у поэтов есть «привилегия быть в постоянной власти у Музы и падать, будучи обезоруженным, от Музы».

«It is a poet's privilege and fate
To fall enamoured of the one Muse
Who variously haunts this island earth» [5, с. 163].

Среди образов и мотивов, составляющих мифопоэтический код любви у Роберта Грейвса обращает на себя внимание то, что любовь – осознание грехов своих и чужих, и как бы крещение совестью через

страх оказаться «untrue» («неискренним») и «unkind» («зловещим»). В стихотворении «Reproach» («Упрёк») Роберт Грейвс мифологизирует любовь, указывая, что не обязательно знать имени любимого человека, достаточно лишь чувств:

«Untrue? But when, what broken oarth?
Unkind? I know not even your name.
Unkind, untrue, you brand me both,
Scalding my heart with shame» [5, с. 14].

Мифологизация возвышенной любви отмечается у Роберта Грейвса в виде испытаний для очищения. Для того чтобы «найти любовь», человек должен пройти через «пламя» («blaze»). Не случайно в названии стихотворения «The Finding of Love» Роберт Грейвс употребляет определённый артикль, подчёркивая, что обретение любви это – единственно правильный путь, путь человека, избранного Высшими Силами. После очищения мыслей и чувств – спасительный, но суровый огонь, который кажется, нестерпимым:

«Conjured from the gloom
Like torch of glow-worm seen» [5, с. 15].

Клятва поэта в верности любви оказывается в очередной раз нарушенной, наполняя его сердце стыдом, приводя к познанию очередного греха. Поэт подчёркивает, что и дитя рождается в безвинном грехе:

«Speak, speak, or how may a child know
His ancestral sin?» [5, с. 14].

Как объективная необходимость после обретения любви «The Finding of Love» наступает опустошение, связанное с утратой любви «Lost Love». Человека, потерявшего любовь, Грейвс сравнивает с «личинкой паука», вздыхающего от горя, он называет его «a dead man» с горящими от горя глазами:

«This man is quickened so with grief
He wanders god – like or like thief
Inside and out, below, above,
Without relief seeking lost love» [5, с. 27].

Для Грейвса сама Любовь – миф: нечто «полное», «совершенное», «целое» – «Whole Love», где нет «альтернативы». Он призывает любить глубоко, всем сердцем, не обращая внимания ни на какие «обстоятельства». Также, по Грейвсу Любовь это – «боль», «мигрень», «след» в виде яркого пятна, «кошмары», «ревность», ожидание «запоздалых рассветов», «касания пальцев», «ищущего взгляда»:

«Love is a universal migraine,
A bright staine on the vision
Blotting out reason» [5, с. 184],

и «горе», которое влюблённый должен стойко перенести. Поэтому Поэт говорит:

«Take courage, lover!
Can you endure such grief
At any hand but hers?» [5, с. 184].

Для Грейвса душа влюблённого парит словно птица, которая приобрела свободу после долгого заточения. Птицы в архаической мифологии играли роль посредников между земным миром и высшим божеством, а во многих мифологиях были даже символом небесной богини. Поэтому Грейвс, в противовес земному, противопоставляет небесное и приписывает птицам духовное начало. В единении с птицами – сила и радость поэта, потому «горе растворяется», наполняясь счастьем ощущения, что это твой «истинный» путь, где заканчивается горе:

With end to grief,
With joy in steadfastness» [5, с. 15].

Птицы – это символы божественности и пророчества, принадлежащие небу:

«Mayfly and butterfly,
And pigeons in the sky» [5, с. 15].

поэтому «Райская птица раскрыла широко свои крылья на закате»: «The bird of paradise opened wide his wings» [5, с. 205].

Глубоко мифологический характер несёт в себе стихотворение «Counting the Beats». Роберт Грейвс поёт гимн настоящей любви, утверждая, что двое любящих пребудут в вечности: «now and here, always you and I» [5, с. 159]. Любовь подвергается испытаниям, но для неё нет ничего невозможного: даже тогда, когда сердца, истекая кровью до небытия, заставляют «отсчитывать медленные удары сердец» – «slow heart beats», сейчас и здесь – «now and here». Недаром поэт повторяет во второй и последней строфе чередуя «he whispers» – «she whispers», когда Она вопрошает о том, где же Они будут. И, наконец, ответ, что Он и Она будут вместе в земной жизни и всегда: «Always you and I». Любовь не страшится ничего, даже «сильного шторма» – «the huge storm...from a bitter sky» и момент, когда «death strikes home» вечно остаются «ты и я», «любовь и я», «Он и Она»:

«Counting the beats,
Counting the slow heart beats,
The bleeding to dearth of time in slow heart beats,
Wakeful they lie» [5, с. 159].

Подтверждением того, что Роберт Грейвс это поэт, у которого мифопоэтическое начало творчества определяется личностным мироощущением, является стихотворение «Rocky Acres» («Горная страна»). Считая себя частью стихий, видением себя сквозь мировые стихии, а мировых стихий – через себя, он пишет, что земля, на которой он живёт это его любимая страна, «восставшая из Хаоса и Потопа»:

«Yet this is my country, beloved by me best,
The first land that rose from Chaos and the Flood» [6, с. 16]

И как одну из основных составляющих стихий мифомышления Роберт Грейвс естественно и закономерно использует огонь, который характеризуется двойственностью воздействия: с одной стороны, огонь – пламя, как «очищение», с другой – «сгорание» в этом огне и последующее воскресение. В стихотворении «The Finding of Love» («Обретение Любви») этот миф преломляется в различных ипостасях, например как мерцание свечи в храме, связанное с Рождеством Иисуса Христа, и рождением человека. Огонь возвышается до чувства любви к каждому человеку, с которым поэт встретился. Недаром ощущения сравниваются с Рождественской свечой, брошенной на снег, и мишурой звёзд, показывающих её величие:

«Or Christmas candlelight
Flung on the outer snow,
Or tinsel stars that show
Their evening glory
With sheen of fairy story» [5, с. 15],

Свет свечи символизирует действие человека, вызванное состоянием его Души – зажжённые свечи в Храме, в доме, где покой и безветренно.

Среди образов и мотивов, составляющих мифопоэтический код смерти у Роберта Грейвса, обращает на себя внимание, что смерть для него это не уход в иной запредельный потусторонний мир, а «воскресение». Уходит чувство страха перед смертью, возникает радостное чувство смерти как освобождения от земных оков и как необходимость для каждого человека. Но, кое-что в этом отношении уже приоткрывает Роберт Грейвс в своём стихотворении «Pure Dearth» («Чистая смерть»). Роберт Грейвс пишет, что смерть это необходимость и продолжение жизни, любви, уничтожающая всё плохое, что разделяло и портило отношения людей. Он персонифицирует смерть, которая предстаёт как «высокий, седовласый Богослов, стоящий и ждущий в конце очереди»: «Dearth stood at last in his true rank and order» [5, с. 57].

Для него смерть это переход в иной мир, в некое мифологическое царство мёртвых. В стихотворении «The Presence» («Присутствие») особенно чувствуется смысловая глубина «грейсовского мифа» как символ высвобождения человеческого духа и его перерождение в «вечное присутствие».

На основе проведённого исследования творчества Роберта Грейвса можно сделать вывод, что миф и поэзия оказались теснейшим образом связанными и несут на себе отпечаток тяжёлых воспоминаний и ощущений поэта. Более того, поэзия Роберта Грейвса является ключевой для мифопоэтической образности и культуры.

Необходимо отметить, что работа по исследованию творчества великого мифолога продолжается и требует дальнейшего рассмотрения и изучения.

Библиографический список

1. Козлов А.С. Литературоведение Англии и США XX века / А.С. Козлов. — Симферополь: Таврика, 1994. — 184 с.
2. Грейвс Р. Иудейские мифы. Книга Бытия / Р. Грейвс, Р. Патай // пер. с англ. Л.И. Володарской. Екатеринбург: У.-Фактория, 2005. — 496 с.
3. Грейвс Р. Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии / Р. Грейвс: пер. с англ. Л.И. Володарской. — Екатеринбург: У.-Фактория, 2005. — 656 с.
4. Graves R. On English Poetry / R. Graves. — L., 1922. — 256 p.
5. Graves R. Poems Selected by Himself / R. Graves. — Edinburgh., Penguin Books., 1966. — 222 p.
6. Graves R. Collected Poems / R. Graves. — London: Cassell, 1965. — 246 p.

Поступила в редакцию 24.04.2007 г.